

Люцзину особо нечего было собирать — лишь пара сменных одежд, что справил ему Цзюцин. Ранним утром следующего дня он наскоро увязал нехитрый узел и покинул соломенную хижину.

Цзюцин уже ушёл в «Истинный аромат труп», Вэй Чжиюэ тоже поднялась ни свет ни заря и покинула дом. Он уходил в полном одиночестве. Грустить вроде бы не о чем, но за те полгода, что он здесь прожил, к сквозящим углам и жёсткой постели невольно прикипел душой. Люцзин скорчил несколько скорбных гримас, но вовремя вспомнил, что смотреть на это некому, а потому решительно развернулся и зашагал прочь.

Первым делом Люцзин направился в Палату Яньло, однако Яньгу велел ему сперва устроиться в Тереме Лунного Сияния и разложить вещи. Пришлось послушаться и повернуть обратно.

У стен Терема Лунного Сияния шелестело изумрудное море бамбука, полыхали алым пламенем цветы сансары, а налетающие порывы ветра, напоенные сладким ароматом, провожали его неспешные шаги.

Перед самым входом Хухэ неторопливо разметал палую бамбуковую листву. Люцзин никак не мог взять в толк: при столь высоком положении Яньгу в Тереме Лунного Сияния выстроилась бы целая очередь из призраков, пожелай он нанять прислугу. Почему же здесь жил один лишь прекрасный, словно небожитель, Хухэ? Впрочем, сейчас, с метлой в руках, с опущенным взором, двигаясь легко и плавно, словно в танце, он являл собой на редкость живописное зрелище — широкие рукава его халата изящно взлетали при каждом взмахе.

Почувствовав на себе чужой взгляд, Хухэ замер и посмотрел на Люцзина. Своим нравом он во многом походил на Яньгу — оба совершенно не заботились о пышных нарядах. Вот и сегодня юноша был одет просто и непринуждённо: длинный лазурный халат, подхваченный на талии белым шёлковым поясом с вышитыми облаками, подчёркивал его стройный высокий силуэт. Волосы у висков были небрежно собраны назад и перехвачены синей лентой, а одна тонкая прядь свободно падала на лоб, придавая его облику особую утончённость. Лицо его оставалось бесстрастным, но в мягких чертах сквозила истинно врождённая красота.

— А ты быстро, — негромко проронил Хухэ, и в его тихом голосе скользнуло неприкрытое пренебрежение.

Люцзин отвернулся и потёр кончик носа, предпочтя пропустить колкость мимо ушей.

— Господин чрезвычайно заботлив к своим подчинённым. Он не захотел утруждать тебя хлопотами по моему обустройству, потому и отпустил на полдня, чтобы я сам прибрался в комнате.

Бог весть, какова была природа отношений между Хухэ и Яньгу, но стоило помянуть хозяина терема, как спеси у юноши заметно поубавилось.

— Господин слишком мнителен, — буркнул Хухэ, возвращаясь к работе. — С чего бы мне тратить драгоценное время на заботы о тебе?

"И надо же так упрячиться? — подумал Люцзин. — Скоро ведь под одной крышей жить придётся, к чему эти глупые обиды?"

Решив не раздувать ссору, он примирительно улыбнулся:

— Что ж, не буду мешать. Маши метлой усерднее, а я пойду.

С этими словами он обошёл юношу и переступил порог.

За спиной вновь послышался мерный шорох метлы — неторопливый и ритмичный, точно звуки старинной мелодии.

Чтобы не плодить лишних толков на службе, Яньгу велел Люцзину поселиться в его собственном дворе, в комнате по соседству. Тот уже бывал здесь однажды, когда знатно перебрал вина во время своего первого визита в терем. Обстановка в покоях осталась прежней, разве что на постели теперь лежало новое одеяло из тончайшего, невесомого шёлка.

Люцзин огляделся: комната и без того сияла чистотой, прибирать тут было решительно нечего. Разложив свои немногочисленные вещи по полкам резного шкафа, он поспешил обратно. На крыльце Хухэ уже не оказалось, и Люцзин не стал его искать, чтобы попрощаться. Дорога вела напрямик в Палату Яньло. Яньгу лишь слегка приподнял бровь, удивлённый столь скорым возвращением помощника, но расспрашивать не стал. Люцзин молча занял своё привычное место и углубился в дела.

В Палате Яньло всегда царило строгое, почти благоговейное безмолвие. Работа спорилась, приказы понимались с полуслова. Пусть они почти не разговаривали, между ними установилось то редкое согласие, от которого к исходу дня не чувствуешь ни тяжести, ни усталости.

С наступлением сумерек величественную Палату Яньло окутала призрачная дымка. Алые фонари у входа тускло мерцали сквозь туман, разливая вокруг мягкое, таинственное свечение. Возвращаясь домой вместе с Яньгу, Люцзин невольно обернулся. Обитель владыки мёртвых, наводящая ужас на весь мир живых, с её грозно изогнутыми карнизами и мрачным величием казалась сейчас на удивление притягательной.

— Хухэ сегодня сварил праздничный суп. Решил отметить твоё новоселье, — негромко нарушил тишину шедший рядом Яньгу.

Люцзин от неожиданности даже замедлил шаг:

— Новоселье? Это вот это-то?

В его голосе сквозило крайнее сомнение.

Яньгу с любопытством взглянул на него:

— А почему нет?

— Во-первых, я не просил Бодхисаттву выбрать для меня благословенное место и не гадал на благоприятный день, — принялся загибать пальцы Люцзин. — Во-вторых, я не рассылал приглашений и не получал подарков. И главное — этот дом мне не принадлежит.

Яньгу понимающе кивнул:

— В Подземном царстве вряд ли сыщется уголок лучше Терема Лунного Сияния, так что тревожить Бодхисаттву ни к чему. Что же касается Цююцина, Се Бианя и Фань Уцзю... Сомневаюсь, что они смогли бы наскрести на мало-мальски приличный подарок.

"И как это понимать? Издевается он или хвалит?" — подумал Люцзин, а вслух произнёс:

— Пожалуй. К чему нам скатываться в пошлую погоню за подношениями?

— Вот именно, — согласился Яньгу. — А теперь вернёмся к дому. Если пожелаешь, Терем Лунного Сияния станет твоим.

Неужто он говорит это всерьёз? От подобной щедрости у Люцзина на мгновение сладко екнуло сердце.

— Твоё великодушие, господин, смущает меня. Твой слуга не заслужил столь царского дара.

— Я щедр к тебе лишь потому, что ты особенный, — мягко возразил Яньгу.

"Да кто его учил так разговаривать? — смутился Люцзин, чувствуя, как к щекам приливает жар. — Из-за его речей и мертвец покраснеет!"

— Все мы призраки в этих краях, — стараясь говорить как можно небрежнее, отозвался он. — И чем же я так выделяюсь?

Яньгу неторопливо оглядел его с ног до головы, выдержал весомую паузу и с самым серьёзным видом изрёк:

— Ну как же. Ты ведь первый на моей памяти судья, который умудрился скоропостижно скончаться.

Люцзин лишился дара речи. Помереть внезапно он вовсе не планировал, и попрекать его этим со стороны Яньгу было крайне жестоко. Надувшись, он прибавил шагу, оставив господина позади.

На сей раз Хухэ накрыл стол не в саду под бамбуком, а чинно в обеденной зале. Когда они вошли, всё уже было готово. Посередине стола красовался расписной глиняный горшок с тем самым ароматным супом, о котором говорил Яньгу. Вокруг него теснились три мясных блюда и две холодные закуски: приготовленный на пару речной окунь, пряный цыплёнок гунбао, нежная тушёная утка, а также тушёный тофу со свежей зеленью.

Готовил Хухэ отменно — тут и спорить нечего. За прошедшие полгода Люцзин успел всей душой прикипеть к его кулинарным изыскам: пища живых в исполнении этого молчаливого призрака выходила настолько вкусной, что оторваться было решительно невозможно.

Как старший по чину, Яньгу сел первым. Люцзин устроился напротив него. Хухэ сел посередине — по правую руку от Люцзина и по левую от хозяина дома. Юноша сноровисто наполнил чашу Яньгу, затем положил риса себе. Люцзин уже было приготовился принять свою порцию, но не тут-то было: Хухэ бесстрастно протянул ему пустую пиалу и лопатку для риса, после чего замер в молчаливом ожидании.

Под пристальным взглядом соседа Люцзин принялся сам накладывать себе еду, стараясь не выказать обиды. Впрочем, дразнящие ароматы горячих блюд быстро вытеснили из его головы все глупые мысли. Пробормотав вежливое «приятного аппетита», он с жадностью принялся за еду.

На фоне его простого и здорового аппетита Яньгу и Хухэ трапезничали до крайности изящно — казалось, они разрыдаются от горя, если посмеют издать хоть единый звук при жевании. Люцзину к их манерам было не привыкать, а потому он преспокойно уплетал угощения, не слишком заботясь о придворном этикете, но и не переходя границ приличия.

После купания Люцзин от нечего делать развалился на постели. Заведя руки за голову и закинув ногу на ногу, он покачивал ступнёй и задумчиво разглядывал узоры на балдахине.

"Послезавтра наступит Праздник середины года — лучшее время для того, чтобы попытаться разузнать хоть что-то о своём прошлом. Вот только как заманить с собой в мир живых Яньгу? Если уж владыка мёртвых являлся ему в снах, значит, он точно как-то замешан в этой истории. Но как подступиться к этому делу?.."

Тишину нарушил едва слышный шорох со стороны приоткрытой двери. Люцзин насторожился: судя по приглушённому стуку, Яньгу только что вернулся в свои покои. Неужто ложится спать в такую рань? С момента ужина едва ли прошёл час. Живи они сейчас с Цзюцином, в это время они бы только-только устроились поудобнее, чтобы поболтать о всяких пустяках.

Люцзин поворочался ещё немного, но сон не шёл. Шелковистые простыни были непривычно мягкими, хотя он никогда не считал себя неженкой, не способной уснуть на новом месте. Со вздохом усевшись на постели, он заметил на письменном столе стопку чистой бумаги. За стеной по-прежнему раздавались тихие шорохи.

Внезапно в голову ему пришла забавная мысль. Люцзин прибег к призрачной магии: лист бумаги сам прилетел к нему в руки. Коснувшись пальцем шершавой поверхности, он начертил на ней несколько светящихся иероглифов, дважды сложил лист пополам и взмахнул рукой. Послание описало плавную дугу и растворилось в воздухе.

Яньгу в это время как раз снял верхнее платье и присел на край постели. Вдруг прямо перед его лицом из ниоткуда соткался аккуратный бумажный квадратик. Изумлённо приподняв бровь, он поймал его кончиками длинных пальцев и медленно развернул. Тотчас от белого листа брызнул мягкий свет, и на чистой поверхности проступили аккуратные строчки: «Ты уже спишь?»

Хозяин терема лишь покачал головой. Он невольно скосил глаза на разделявшую их стену, за которой, как ему чудилось, изнывал от безделья один крайне несносный призрак. Забавляясь, Яньгу коснулся бумаги заклинанием, оставив краткий ответ, свернул письмо и отправил его обратно тем же путём.

Заметив ответную вспышку, Люцзин с улыбкой поймал вестника и развернул: «Ещё нет. Тебе заняться нечем?»

Сделав вид, будто не заметил колкости, Люцзин тут же нацарапал новые слова и швырнул листок обратно. Бумага совершила очередное воздушное путешествие и вернулась с лаконичным ответом на вопрос, чем же занят владыка: «Развлекаю одного изнывающего от скуки призрака».

Люцзин невольно улыбнулся. Он снова откинулся на подушки, высоко держа листок перед собой. Светящиеся буквы приятно грели взор в полумраке спальни. Полюбовавшись сиянием, он вновь сел и оставил последнее послание: «Ну так развлекай дальше, а я ложусь». На этот раз он сложил бумагу с особой аккуратностью и заставил её раствориться в темноте.

В соседней комнате Яньгу сидел, прислонившись к резному столбику кровати. Потoki его чёрных волос струились по плечам, резко выделяясь на фоне белоснежного нательного платья, что подчёркивало изящество его выразительных, утончённых черт.

"А он умеет развлечься, — подумал Яньгу, глядя на лежащий на ладони листок. — Так просто завладел моим вниманием... Пожалуй, это неплохое начало".

Приняв решение, он лёгким движением руки погасил свечу и закрыл глаза, погружаясь в безмятежный сон.

Утром следующего дня Люцзин улучил свободную минуту и отправился к Реке Забвения. Ему нужно было повидаться с Цзюцином и обсудить с ним тайную вылазку в мир живых на Праздник середины года. Они не виделись всего два дня, но за прошедшие полгода это было их самое долгое расставание.

Небольшая лавка Цзюцина у самой переправы почти не приносила дохода — выручки едва хватало на скромную жизнь. Именно поэтому Яньгу справедливо заметил, что новосельем без подарков они обязаны бедности его друзей. Люцзин как-то раз уже спрашивал названного брата, почему тот не попросит Фань Уцзю помочь пристроиться на Призрачном рынке. Готовил Цзюцин превосходно, и в торговых рядах от покупателей точно не было бы отбоя. Впрочем, ответ лежал на поверхности, и Люцзину следовало проявить больше чуткости. Цзюцин остался в Подземном царстве и выбрал это Богом забытое место у Реки Забвения лишь по одной причине — ради Синьи. Он хотел стоять здесь, у самой кромки воды, когда через много десятков лет её земной путь оборвётся, чтобы встретить её первым.

<http://bllate.org/book/18339/1804387>